

Нэлиан
БРО

Друг
СЕМЬИ

Нэлиан Бро

Друг семьи

«Литнет»

2025

Бро Н.

Друг семьи / Н. Бро — «Литнет», 2025

Война оставляет не только шрамы на теле, но и раны в душе, которые не заживают годами. Обещание, данное в последний момент, становится тяжелым крестом, а прошлое не отпускает, напоминая о себе в самых неожиданных проявлениях. Герои этой истории связаны невидимыми нитями судьбы, где долг, память и невысказанные чувства переплетаются в тугой узел. Когда жизнь ставит перед выбором между честью и желанием, между верностью и страстью, каждый шаг может стать роковым. Что же выберут наши герои и как поступят?*** — Что с тобой? — ее голос дрожал, но не от страха. Скорее, от злости. Я сжал руль так, что пальцы онемели. — Ты не должна была так себя вести. — Как? — она фыркнула, откинувшись на спинку сиденья и скрестив руки на груди. — Разговаривать с другом? — Он трогал тебя. — И что? — Кира вызывающе вскинула брови. — Я не маленький ребенок. И способна сама решить, кому позволено меня трогать, а кому нет. Ее слова ударили по оголенным нервам, словно разряд тока. В голове вспыхнуло: «Нет, не можешь. Потому что это неправильно. Потому что он — никто. А я...»

© Бро Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1 глава. Максим	5
2 глава. Максим	7
Визуализация героев	9
3 глава. Кира	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

1 глава. Максим

Горячий свинец полосовал воздух, пули вгрызались в песок с мерзким "пффш", будто невидимые руки рвали плотную ткань мира на клочья. Мы прятались за искореженный БТР, чья броня из защиты превратилась в жалкое прикрытие от шквального огня, хлеставшего со всех сторон. Чеченцы зажали нас в клещи, и теперь мы, пятеро, были словно загнанные звери в загоне, находящиеся в смертельной ловушке.

— Прикрой, перебегаем! — прорычал Сергей, и мы сорвались с места, к следующему укрытию.

Но в этот миг – сухой, зловещий щелчок. Пулемёт.

Я даже не успел среагировать. Только увидел, как из-за дюны вырвались огненные языки, и земля вздыбилась передо мной от безжалостной очереди.

— МАКС!

Что-то тяжелое обрушилось на меня сбоку, сбивая с ног. Мы рухнули на раскаленный песок, и тут же над головой пронесся оглушительный визг пуль. Сергей лежал на мне, его дыхание – хрипкое, рваное, как предсмертный стон.

— Серый?..

Он не ответил. Только судорожно сжал мое плечо, и я почувствовал, как по моей груди расплзается обжигающая волна, горячее, чем песок пустыни.

Кровь.

— Нет-нет-нет, блять!

Я перекатил его на спину. Его камуфляж в районе живота пропитался багровой тьмой, и когда я рванул ткань, под ней разверзлась чудовищная, зияющая дыра. Кровь била фонтаном, вытекала густыми, пульсирующими потоками.

— Держись, сука, держись! — я выхватил аптечку и принялся прижимать бинты к ране, давя изо всех сил, но кровь не унималась. Она сочилась сквозь пальцы, теплая, липкая, предательски быстрая. Внутри все было разворочено – я читал это в его затухающих глазах. По тому, как его лицо побелело, как будто смерть уже пришла за ним.

Сергей не издавал звуков, лишь сжимал мою руку до хруста костей.

— Х... хватит... — прошептал он, останавливая мои отчаянные, бессмысленные попытки спасти его.

— Заткнись! Мы тебя вытащим!

Но он знал. И я знал. Вокруг – лишь безжалостная пустыня. До своих – бесконечные километры. Вертолеты не прилетят – нас даже не ищут.

Бессилие сдавливало горло.

Я смотрел в его глаза, полные невыносимой боли и какой-то горькой, обреченной мудрости. Война. Она пожирает лучших, самых смелых, самых отважных. И сейчас она тянула свои костлявые пальцы к Сергею, вырывая его у меня, у всех, у тех, кто ждет его дома.

— Не... не трать время... — хрипло выдохнул он, хватая меня за руку. Его пальцы впились в мою плоть с нечеловеческой силой. — Слушай... Вика... Кирочка...

Сердце сковал ледяной спазм. Перед глазами всплыл момент, как Серый пародировал звонкий смех своей восьмилетней дочери, корча смешные рожи. В руках он держал ее наивные детские рисунки, где корявыми буквами было выведено: «Папа, когда ты вернешься?»

А ещё – его жена. Виктория. Как он гордился ею, как преображался, когда получал от нее письма. «Мне, падла, так повезло», – говорил он, затягиваясь дешевой сигаретой.

Он действительно был чертовым везунчиком, которого с трепетом ждали дома и безумно любили.

А сейчас его жизнь угасала на моих глазах.

— Обещай, – он вцепился в мой бронежилет, окровавленными пальцами, оставляя на ткани багровые отпечатки. – Обещай, что... не бросишь их.

Сердце рухнуло в бездну. В голове – лишь оглушающая пустота.

Он знал, что умирает. Но я гнал эту мысль прочь, отчаянно, яростно, потому что не был готов. Не готов потерять его, не готов отпустить.

— Обещаю, – выпалил я, не раздумывая, чувствуя, как его хватка ослабевает. Лицо сереет, но губы дрогнули в подобии усмешки – той самой, с которой он встречал любую, самую безнадежную задницу.

— Спасибо, друг, – прошептал он, закрывая глаза, но дыхание ещё теплилось – рваное, хриплое.

Рядом взревели взрывы, кто-то дернул меня за плечо:

— Макс, надо отходить!

Но я бился в истерике, прижимая его безжизненное тело, пока товарищи силой не выволокли меня прочь. Его кровь на моих руках не высыхала даже под палящим чеченским солнцем.

Обещание.

Я сдержу его. Не потому что должен.

А потому что это — единственная пуля, которую я теперь буду носить в себе.

Та, что предназначалась мне.

Ту, что взял на себя Сергей. Мой старший товарищ и верный друг.

2 глава. Максим

Десять лет минуло с той поры. Первую половину этого срока я бился, словно о стену, стремясь облегчить горе семьи погибшего товарища. Но Виктория, словно неприступная крепость, отвергала любую помощь.

«Не нуждаюсь, справлюсь сама,»— звучало в каждом её отказе, касалось ли это организации похорон или решения бытовых неурядиц.

Мои регулярные переводы возвращались обратно, сопровождаемые лишь сухим «Спасибо».

Тогда я сменил тактику и стиль действовать незаметно.

Вика была приезжей, что затрудняло поиски работы. И я, немного подсуетившись, устроил так, что теперь эта хрупкая женщина восседает в комфортабельном офисе, разбирая бумаги, даже не подозревая, чья компания оплачивает ей эту работу. А компания моя. За пять долгих лет я умело инвестировал деньги, полученные на службе, и из бывшего вояки преобразился в бизнесмена. Видимо, на небесах за меня замолвили словечко, и теперь моя жизнь стала намного лучше. Иначе я не могу объяснить поворот своей судьбы на все сто восемьдесят градусов после пережитого.

Если бы существовала возможность повернуть время вспять, я бы вернулся к тому роковому моменту, когда мы с Серёгой, одурманенные юношеским максимализмом, решили подписать контракт с дьяволом. Молодые, глупые... Что с нас взять? Когда выбор стоял между тюрьмой и службой, мы, не раздумывая, выбрали второе. Денег на адвокатов у нас все равно не было, а срок светил немалый, за то, чего мы даже не совершали. Где же она, эта пресловутая справедливость? Нас подставили, выставили соучастниками. А ведь мы с Серым оказались просто в неправильном месте и в самый неподходящий час.

Серёга рано обзавёлся семьёй. Дочка росла болезненной. Денег катастрофически не хватало даже на лекарства. Работал где придётся, потому что университет пришлось бросить, когда Вика забеременела. Как истинный мужчина, он сделал ей предложение и не дал будущей молодой маме совершить глупость, хотя её родители рвали и метали, а после рождения внуки и вовсе отвернулись от дочери. Об этом я узнал уже потом, познакомившись с ними на детской площадке. Тогда я был помешан на спорте, занимался каждый божий день. Особенно увлекался баскетболом. У нас во дворе как раз обустроили отличную площадку – и для детей, и для подростков. В один из дней наши судьбы и пересеклись. Поначалу мы просто здоровались, потом нашлись общие темы для разговоров, учитывая, что Сергей был старше меня на три года. Ну а дальше – завертелось... Стали не разлей вода.

И вот однажды ему подвернулась подработка с хорошей оплатой. Нужно было передать посылку из рук в руки, даже машину для такого дела предоставили. Одному, конечно, было в падлу ехать. Вот он и предложил мне составить ему компанию. Я согласился, и мы поехали. Оказалось, посылка не простая, а с весьма «интересным» содержимым. Это мы поняли уже потом, когда нас приняли с поличным. Вот тут-то нам и дали выбор: казённый дом или контракт на три года в горячую точку.

И вот теперь я здесь, успешный бизнесмен, тайно оберегающий семью человека, отдавшего за меня жизнь.

Так прошли ещё три года, пока меня не поглотила работа, в которую я ушел с головой не замечая времени, а затем минуло еще пару лет. В конечном итоге прошли эти десять лет в непонятной мне суматохе.

Я сохранил старый номер телефона, надеясь на звонок Вики, на случай, если ей понадобится помощь. Глупо жить такими ожиданиями, но я боялся нарушить слово, данное другу. И вот однажды телефон зазвонил.

Сердце оборвалось, когда на экране высветился незнакомый номер. Но какое-то внутреннее чутье подсказывало – это она.

— Аллю? — прохрипел я, стараясь унять дрожь в голосе.

— Здравствуй, Максим. Это Вика, – голос в трубке был слабым, дрожащим.

Мир вокруг перестал существовать. Остались только ее слова, эхом отдающиеся в голове. Я ждал этого звонка десять лет, готовился к разным сценариям, но сейчас чувствовал себя абсолютно беспомощным, как мальчишка.

— Здравствуй, Вик. Я... я очень рад тебя слышать. Как ты? Как дочь? – слова вылетали сбивчиво, как будто я разучился говорить.

— У нас все... относительно хорошо. Кирочка поступила в институт, учится на дизайнера. Талантливая девочка, вся в отца.

В ее голосе звучала усталость, какая-то надломленность. Я сразу понял – случилось что-то серьезное. Внутри все сжалось в тугую комок тревоги.

— Максим, я звоню тебе... потому что не знаю, к кому еще обратиться. Мне нужна помощь. Очень нужна, – она замолчала, и в трубке повисла тяжелая, давящая тишина. — У меня рак.

Последнее слово повисло в тишине, тяжелое и неподъемное, как бетонная плита, обрушившаяся мне на грудь. Я замер, не в силах произнести ни слова. Стоял как громом пораженный, не веря своим ушам.

— Рак... — эхом повторил я, словно не веря. — Какой стадии?

Она назвала цифру, от которой внутри все похолодело. Четвертая. Приговор.

— Кира не знает, — выдохнула она, — Я не хотела ее расстраивать перед поступлением. Но... времени почти не осталось.

— Не говори так! — взревел я, чувствуя, как внутри поднимается волна ярости и отчаяния. — Мы все сделаем! Я найду лучших врачей, достану лучшие лекарства! Ты будешь жить!

— Максим, послушай. Уже слишком поздно что-то делать, — перебила она тираду моих слов. — Потому мне бы хотелось, чтобы ты взял под свое крыло мою дочь.

Я похолодел. Снова этот долг, это обещание, которое тянется за мной из прошлого, словно тень. Но на этот раз – цена вопроса жизнь Киры. Судьба, словно издеваясь, подбрасывает мне новые испытания, проверяя на прочность.

— Конечно, Вик. Я обещаю. Я позабочусь о Кире, — произнес я твердо, стараясь придать своему голосу уверенность. — Не волнуйся ни о чем. Где ты сейчас? В какой больнице?

Она назвала адрес, и я тут же сорвался с места.

В больнице меня встретила изможденная женщина, едва напоминающая ту цветущую Викторину, фотографии которой я когда-то видел у Сергея. Она была бледной, исхудалой, но в ее глазах все еще горел огонек – та самая искра жизни, за которую стоило бороться. Она улыбнулась мне слабой, но искренней улыбкой, и я понял, что не имею права ее подвести.

Мы говорили долго, обо всем и ни о чем. О Сергее, о Кире, о жизни, которая так несправедливо обошлась с ними. Я пообещал Вике, что сделаю все возможное, чтобы Кира была счастлива, чтобы она ни в чем не нуждалась. Я стану ей отцом, другом, опорой – всем, чем только смогу.

Вскоре после нашего разговора Вика ушла. Она ушла спокойно, без страха, зная, что ее дочь в надежных руках.

Визуализация героев

Максим

Кира

3 глава. Кира

Впервые я увидела его на маминых похоронах.

Холодный осенний дождь хлестал по лицам собравшихся, превращая землю под ногами в липкую грязь. Небо было серым и низким, будто придавленным горем, а капли падали тяжело и монотонно, словно отсчитывали последние секунды перед тем, как всё окончательно рухнет. Я стояла под открытым небом, кутаясь в черное пальто, но холод пробирал до костей — не столько от сырости, сколько от пустоты внутри.

И тогда появился Он.

Высокий, в чёрном костюме, промокшем насквозь. Вода стекала с его плеч, сбивала волосы на лоб, но он не обращал на это внимания. Его лицо казалось высеченным из камня — жестким, непроницаемым. Но глаза... Глаза были живыми. Глубокими, тёмными, полными такой боли, которую я узнала бы даже в кромешной тьме.

— Кира,— он подошел ко мне, его голос звучал низко, чуть хрипловато, будто годами перемолотый в щебень. — Я Максим.

Я кивнула, не зная, что сказать. Мама упоминала его редко — только то, что он «друг твоего отца».

Он замер передо мной, сжимая в руках зонт, который уже не спасал от ливня. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на глазах — таких же, как у папы, как мне всегда говорили. Потом он резко отвернулся, будто не мог вынести этого сходства.

— Прости, что не удалось познакомиться с тобой раньше,— проговорил он, и каждое слово давалось ему с трудом, будто он выдавливал их сквозь зубы. — Я... я обещал твоей маме позаботиться о тебе.

Дождь барабанил по крышам машин, по мокрым зонтам, по гробу, который уже готовились опускать в землю. Я сжала края пальто, чувствуя, как дрожь пробирает меня всё сильнее. Не от холода. От осознания, что теперь я совсем одна.

— Спасибо, — прошептала я, потому что больше не могла выдавить ни слова.

Он резко кивнул, будто отдавая себе приказ, и шагнул ближе. Его рука легла мне на плечо — тяжелая, теплая, словно якорь в этом бесконечном шторме.

— Пойдем,— сказал он. —Здесь слишком холодно.

Я не сопротивлялась. Куда идти — не имело значения. Все дороги теперь вели в никуда.

Мы медленно двинулись к выходу с кладбища, и дождь тут же обрушился на нас с новой силой. Максим попытался прикрыть меня зонтом, но порыв ветра вырвал из рук, и он даже не попытался поднять его. Вода стекала по его лицу, смешиваясь с чем-то, что он тщательно скрывал.

У обочины ждала машина — черная, чужая, как и он.

Я замерла перед дверью, внезапно осознав, что совсем не знаю этого человека. Кто он? Чужак, когда-то знавший отца? Или тот, кто теперь, из-за случайного обещания, должен нести чужой груз?

— Садись, — он открыл дверь, и его голос вдруг стал мягче. — Мы поедem ко мне. Если хочешь.

Я хотела сказать «нет». Хотела крикнуть, что мне не нужна его жалость, что я справлюсь сама. Но силы покинули меня, и я просто кивнула, усаживаясь на переднее сиденье.

Машина тронулась, а дождь за окном не стихал — будто сама осень оплакивала то, что я потеряла навсегда.

Салон автомобиля был пропитан запахом дорогого дерева и кожи. Тепло окутало меня, как мягкое одеяло, но внутри по-прежнему было зябко. Я смотрела в окно, как мимо проплывают размытые дождем огни города, и чувствовала себя потерянной песчинкой в огромном,

безразличном мире. Молчание давило, но я не решалась его нарушить. Что я могла сказать этому человеку, который внезапно появился в моей жизни?

Мы ехали долго, и я не заметила, как уснула. Проснулась от того, что меня кто-то нежно тряс за плечо. Открыв глаза, я увидела над собой встревоженное лицо Максима.

— Приехали, Кира. Прости, что разбудил. Ты крепко спала.

Я сонно заморгала, пытаясь сориентироваться. Мы стояли на какой-то подземной парковке.

Стоило только мне выйти из машины, как меня тут же обдало спертым воздухом. Мужчина повел меня к лифту, и пока мы поднимались, я успела заметить дорогие автомобили, припаркованные вокруг. Куда он меня привез?

Лифт плавно поднялся на верхний этаж, и когда двери раздвинулись, передо мной открылся просторный холл с панорамными окнами, за которыми мерцал ночной город. Дождь всё ещё стучал по стеклу, но здесь, в тепле и уюте, он казался чем-то далёким, почти нереальным.

— Это мой дом, — сказал Максим, снимая мокрый пиджак. — Ты можешь остаться здесь, пока не решишь, что делать дальше.

Я молча кивнула, ощущая, как под ногами прогибается мягкий ковёр. Всё вокруг было стильным, дорогим, но без вычурности — как будто каждая деталь продумана до мелочей. На стене висели чёрно-белые фотографии: горы, море, лица незнакомых людей.

— Пойду приготовлю нам чаю, а ты пока располагайся, — сказал он, направляясь к кухне.

— Да, спасибо, — прошептала я, хотя не чувствовала ни голода, ни жажды.

Он кивнул и исчез за дверью, оставив меня одну.

Я прошла в гостиную и села на огромный диван, обтянутый светлой кожей. Панорамные окна открывали вид на ночной город, усыпанный огнями, как драгоценными камнями. Но красота эта не трогала меня. Я чувствовала себя чужой здесь, в этом роскошном доме, как будто попала в чужую жизнь.

Закрыв глаза, я увидела образ мамы — ее улыбку, ее руки, которые всегда знали, как утешить. Теперь их не было. Никогда больше не будет.

Из кухни донесся звук льющейся воды, звон стекла. Я вздрогнула, когда Максим вернулся, держа в руках поднос с двумя чашками. Пар поднимался над ними, как призраки тепла. Он поставил поднос на стол и сел напротив, его движения были точными, выверенными, словно он боялся сделать лишний шаг.

— Сахар? — спросил он, протягивая мне чашку.

— Нет, спасибо.

Я взяла чашку, но пить не стала. Просто смотрела, как пар растворяется в воздухе.

— Ты похожа на него, — сказал он вдруг своим низким голосом, нарушая тишину. — На своего отца. Особенно когда морщишь лоб.

Я потрогала его пальцами, словно могла нащупать это сходство. Лицо папы в моей памяти уже расплывалось. Только остались некоторые обрывки: его смех, крепкие руки, подбрасывающие меня вверх и запах табака.

— Ты не обязана оставаться здесь, — продолжил мужчина. — Если хочешь, я могу помочь тебе снять квартиру. Или...

— Я не знаю, чего хочу, — перебила я, переводя свой взгляд с чашки на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.